

имевшийся в распоряжении автора, представлял для этого полную возможность.

Как известно, большая часть материалов о студенческих годах Радищева извлекается из дела № 62, хранящегося в ЦГАДА, к которому, как сообщается во введении к рецензируемой книге, обращался и А. И. Старцев.

В этом обширном деле, помимо уже опубликованных материалов, имеется еще ряд несомненно интересных документов, заслуживающих введения в научный оборот. Так, не привлекаются в полной мере материалы, непосредственно связанные с занятиями студентов: из всех многочисленных экзаменов, которые сдавали русские студенты в Лейпцигском университете, упоминается только один. Не используется и такой документ, опубликованный Г. П. Макогоненко, несомненно представляющий интерес для биографа Радищева, как отзыв князя Белосельского о Радищеве, Рубановском, Кутузове, в котором он просит оказать молодым людям «некоторое поощрение, дабы произвести в них более желанья сделаться полезными», так как «если рождающиеся достоинства должны быть покровительствуемы, то по справедливости» можно «представить господ Радищева, Кутузова и Рубановского; которые в бытность свою в Лейпциге наиболее оказали прилежности к наукам».¹²

Из поля зрения автора выпадают и материалы о путешествии из Петербурга до Лейпцига, о городах, где останавливались русские студенты, осматривая достопримечательности каждого из них, — об этом первом знакомстве с Западной Европой; о бытовой стороне путешествия, столкновениях с Бокумом, начавшихся буквально в первый же день отъезда из России.

Совершенно не затрагиваются в книге и вопросы студенческого быта. Автор даже не делает попытки выяснить, чем занимались студенты в свободное от занятий время, где бывали, что читали, — ограничиваясь категорическим заявлением, что нам «совершенно неизвестно», что читали русские студенты (стр. 62). Однако можно было бы использовать в этой связи такой документ, безусловно известный автору, как «Известие о купленных для обучающихся в Лейпциге российских дворян книгах», где, помимо 34 названий книг, бывших в распоряжении студентов, упоминаются — и это особенно интересно, какие-то «российские книги», т. е. книги, очевидно, присылавшиеся из России. Кроме того, можно считать доказанным, что, находясь в Лейпциге, Радищев и другие студенты не только читали

¹² ЦГАДА, ф. 249, д. 6465, 1771 год, л. 527. Письмо А. М. Белосельского А. В. Олсуфьеву от 18/28 октября 1771 года.